

очень полезным требованием, так как на всю жизнь научило точности в датировке. А письмо без даты — почти что ничего, ибо в письме сообщаются текущие события, и не знать, когда и где они произошли — это значит не координировать отдельных моментов в жизни, то есть ничего в ней не понимать» (14–15 августа 1935 г.). Дата на фотографии, на записке, в инскрипте подаренной книги, под записанным детским речением, над текстом творческой работы на порядок повышает ценность пусть единичного, случайного сколка национальной культуры. А само умение читать документы, например: фиксировать то, чего в них нет (значимое отсутствие)? А угроза несохранения документов, «живущих» в компьютере? А количество требований в документе, превышающее возможности их выполнения и нацеливающее или на приписки, или на игнорирование предписаний? Не сигнал ли это кризиса, но уже не 1917-го, а 2017 года? Обозначение профессии «документовед» появилось в 60-х годах прошлого века, однако новое время перед документоведами ставит серию новых задач на стыке истории, культуры, языка, задач, актуальных и для такой области изысканий, как лингвогосударствование.

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Вячеслав ВЛАЩЕНКО

ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ДОСТОЕВСКОГО (Трагическая судьба Мармеладовых)

1.

Чуть более **150** лет тому назад в журнале М. Каткова «Русский вестник» (1866, № 1–12) был опубликован первый роман из «великого пятикнижия» Ф. М. Достоевского, «Преступление и наказание», его «самый петербургский ро-

Вячеслав Иванович Влащенко — литературовед, методист. Автор трех книг («Проблема литературной преемственности на уроках внеклассного чтения в старших классах» (Л., 1988), «Уроки литературы в выпускном классе» (в соавторстве с Г. Н. Иониным; СПб., 2009), «Современное прочтение романа М. Ю. Лермонтова „Герой нашего времени“» (СПб., 2014) и более 120 публикаций о русской литературе XIX–XX веков в сборниках трудов ИМЛИ («Московский пушкинист». Вып. V, 1998; Вып. X, 2002; Вып. XII, 2009), ИРЛИ (Пушкинский Дом), СПбГУ, РГПУ им. А. И. Герцена; в журналах «Social Sciences» (2015, № 2), «Вопросы литературы» (1998, № 6; 2004, № 4; 2014, № 6), «Нева» (2005, № 12; 2014, № 10; 2016, № 3, 4; 2017, № 3), «Литература в школе», «Русская словесность», «Литература», «Начальная школа».

ман» (Н. Анциферов) и, по словам В. Розанова, «самое совершенное его произведение»¹, в котором, несмотря на огромное количество исследований о нем², для современного читателя еще остается много **загадок и тайн**, требующих своего глубокого осмысления. В романе о «безобразном» преступлении, нравственно-психологическом наказании (невыносимом душевном страдании) и чудесном духовном воскресении «гениального студента Раскольникова» (как называет героя Достоевского поэт-символист Вяч. Иванов), ради проверки «нового слова», идеи о праве «необыкновенного» человека на «*кровь по совести*» и в то же время «от великой сокрушенности и жалости идущего на грубейшее мокрое дело»³, есть поразительные страницы, «сильные сцены» (И. Альми), особенно актуальные для сегодняшнего дня и современного общества и связанные с темой **распада и гибели семьи**, «величайшей святыни человека на земле»⁴, с проблемой глубины и подлинности **веры в Бога**, а также с идеей **свободы выбора** человека⁵ в самых разных ситуациях и его **личной ответственности** за свою судьбу.

Главной проблемой данной статьи является выяснение основных причин гибели Семена Захаровича и Катерины Ивановны Мармеладовых, представляющих мир «униженных и оскорбленных» и впадших в последнюю степень нищеты. В отечественном литературоведении практически нет серьезных специальных работ по этому вопросу, и это, видимо, потому, что здесь многие исследователи Достоевского просто не видят особой проблемы, полагая, что «общественная среда» и пьянство Мармеладова и определяют трагическую судьбу этих героев. А в нашем понимании их судьба глубоко связана с тем определением главной темы романа, которое предлагает Т. Касаткина:

Перед нами роман о том, что такое смерть и тление, о том, посредством чего они овладевают человеком, о том, как по-разному развивается этот процесс в трехсоставном человеке: то есть о различном участии в этом процессе или в противодействии ему плоти, души и духа. Перед нами роман о действии греха в человеке⁶.

В центре нашего внимания находится прежде всего **вторая глава** романа, пронзительный монолог Мармеладова в распивочной, в котором можно выделить ужащающий рассказ об истории нищенской жизни его семьи, неканоническую «**исповедь**», казалось бы, искренне раскаявшегося грешника, исповедь, обращенную к Раскольникову, и вдохновенную «**проповедь**» как будто прозревшего человека, услышавшего

¹ Этот роман, как утверждает Т. Касаткина (один из самых глубоких современных исследователей Достоевского), является «своеобразным эпицентром его творчества, в нем заложены зерна всех идей, что будут подробнее разрабатываться в других его произведениях» (Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. С. 187).

² В ноябре прошлого года в Санкт-Петербурге, в литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского, проходили XLI Международные чтения «Достоевский и мировая культура», где было представлено 65 докладов, из которых десять посвящено этому роману.

³ Эйзенштейн С. М. Избранные произведения: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 136.

⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972 — 1990. Т. 20. С. 173.

⁵ «Поскольку свободная воля принадлежит в этом мире человеку, именно он оказывается творцом своего ада или своего рая, освещая мироздание багровым огнем или сияющим светом» (Достоевский. Избранное. Сост., вступ. ст., комм. Т. А. Касаткиной. М., 2010. С. 48).

⁶ Касаткина Т. А. Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы литературы. 2003. № 1. С. 178.

голос Божий⁷, **как будто** «проповедь Мармеладова-Достоевского» и «великий монолог о Страшном Суде и о прощении смиренных» (С. Фудель), «поэму о любви, сострадании и прощении» (Р. Джексон), «вдохновенный гимн Творцу, пронизанный страстной верой в безграничное милосердие Бога» (К. Степанян). Мармеладов, одержимый жаждой общения, произносит проповедь, обращенную и к Раскольникову, уже месяц в состоянии «нерешимости» и «сосредоточенной тоски» живущему «безобразной мечтой», идеей убить, и к смеющимся над ним посетителям распивочной (чей смех является амбивалентным: это и дьявольский смех пьяных над кающимся грешником, и в то же время он, может быть, является бессознательной «народной» реакцией на некую «глубокую ложь» в «витиеватом тоне речи» и в самом содержании слова Мармеладова⁸).

Однако заметим, что многие авторы работ о романе Достоевского в своих размышлениях о монологе Мармеладова опираются в основном или только на «исповедь», или только на его «проповедь», причем совершенно не учитывают того, что именно в грязном **кабаке** (дьявольское место, подобие земного ада)⁹ громко звучит **надрывное**¹⁰ слово **пьяного** человека (что уже дискредитирует это слово, ибо постоянное пьянство является духовным самоубийством)¹¹, в итоге кончающего свой жизненный путь скрытым, неявным самоубийством. И все это, с нашей точки зрения, имеет определяющее и принципиальное значение для выявления и осмысления **позиции автора**. И тогда возникает вопрос: чей же голос действительно слышит пьяный Мармеладов — Иисуса Христа, Единого Судии¹², или искусного и хитрого противника Бога, «клеветника», стремящегося обмануть и окончательно погубить человеческие души?

⁷ По мнению Б. Тихомирова, «Мармеладов является первым из героев Достоевского, который в экстатическом восторге своей исповеди как бы непосредственно слышит слово Господне; это наблюдение позволяет посчитать неслучайным его имя: в святцах Семен (Симеон) — слышащий Бога (греч.)» (Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2005. С. 81).

⁸ Этот смех подобен «народному» смеху над еще не раскаявшимся Раскольниковым и в эпизоде поклона земле на Сенной площади (Ч. 6, гл. 8), и смеху над ним каторжников в остроге («Презирали его, смеялись над ним, смеялись над его преступлением те, которые были гораздо его преступнее»; Эпilog, гл. 2).

⁹ «...Питейные заведения Великокороссии отличаются безнравственным и неприличным характером <...>. Питейные дома — это притоны бесчинства и разврата» (Прыжов И. Г. Очерки русского быта. М., 2017. С. 504).

¹⁰ «Надрыв <...> то состояние, когда человек берedit свои раны, свои страдания, чтобы заглушить боль еще большей болью, и упивается самую невыносимостью страдания...» (Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 5 частях. М., 1997. Ч. 3. С. 393).

¹¹ Ср.: «...русская идеалистическая мысль вознесла слова Мармеладова на невообразимую высь как аксиому и откровение о человеке вообще, не беря во внимание, что через Мармеладова говорит пьяная прагматика безвольного алкоголика...» (Суконик А. Достоевский и его парадоксы. М., 2015. С. 214).

¹² «Здесь в первый раз в творчестве Достоевского появляется образ Христа...» (Тихомиров Б. Н. Указ. соч. С. 14); «В романе „Преступление и наказание“ в творчестве Достоевского впервые появляется как центр мироздания (в монологе Мармеладова, в сцене чтения Евангелия Соней Раскольникову), дарующий воскресение Лазарю...» (Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб., 2010. С. 393); «...в монологе Мармеладова перед нами (и Раскольниковым!) как бы воочию предстает Христос. Это уже второе явление Его Раскольникову (в первый раз — на иконе в углу комнаты старухи-процентщицы: Раскольников отмечает взглядом этот образ и горевшую перед ним лампадку)» (Степанян К. А. Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М., 2014. С. 73).

И тогда ставятся под сомнение некоторые существенные и ко многому обязывающие выводы современных исследователей о том, что «в первом романе «великого пятикнижия» славянофильские представления о характере христианства подвергаются переоценке»¹³, о «глубинных идейных различиях между Достоевским и народной религиозностью», выраженной в духовных стихах о Страшном суде¹⁴, «об уже решенной судьбе Мармеладова и о пире в Царствии небесном»¹⁵, о том, что «в словах Мармеладова открываются воззрения Достоевского на последний этап истории»¹⁶, о конкретном решении в проповеди Мармеладова (в которой якобы «доминирует авторская позиция») сложнейшей богословской проблемы апокатастасиса, когда Достоевский фактически «утверждает конечное всеобщее спасение», а «в священный момент своего второго пришествия Он говорит голосом Мармеладова»¹⁷.

Противоречивой оказывается последняя по времени публикации работа о Мармеладове философа Т. Ковалевской, статья, в которой, с одной стороны, утверждается, что «структурные параллели между рисуемой Мармеладовым картиной Страшного суда и духовными стихами обнажают глубинные различия между народным христианством и воззрениями самого Достоевского» (то есть предполагается тождественность позиций героя и автора), а с другой — справедливо отмечается «человеческая казуистика» в монологе «трагикомического пьяницы Мармеладова» и его «наивная гордыня собственной откровенностью»¹⁸.

Только кажется, что исповедальное слово Мармеладова звучит как несомненная и последняя правда героя о себе, с мучительным осознанием своей греховности и с надеждой на сострадание, жалость, милосердие и прощение, помогающее исцелению души и воссоединению ее с Богом и близкими. Для нас же это не только и не столько «глубокое самоосуждение» (Б. Тихомиров), сколько эгоистическое **самооправдание**, попытка самореабилитации перед собой и другими — в надрывной и беспокояющей «исповеди», обращенной скорее не к Богу, но к слушателю, а также опасный **самообман** — в патетической «проповеди», связанный с поверхностным, неверным пониманием и эклектическим соединением Мармеладовым разных новозаветных текстов, что ведет к их неизбежной **десакрализации**. И все это помогает нашему пониманию иерархии разных причин его трагедии, когда «*все тайное становится явным*»¹⁹.

¹³ Кунильский Д. А. Тема бражника у Ф. М. Достоевского и К. Аксакова // Евангельский текст в русской литературе XVIII — XX веков. Вып. 6. Петрозаводск, СПб., 2011. С. 189 (или: Кунильский Д. А. Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск, 2013. С. 81).

¹⁴ Бузина Т. В. Духовные стихи о Страшном суде как стилистическая модель и идейный противовес монолога Мармеладова // Достоевский: дополнения к комментарию / Под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2005. С. 273.

¹⁵ Гумерова А. Л. Евангельский фон романа «Преступление и наказание» // Достоевский: дополнения к комментарию. С. 277.

¹⁶ Барсотти Д. Достоевский. Христос — страсть жизни. М., 1999. С. 49.

¹⁷ Новикова Е. Г. Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангельский текст и художественный контекст. Томск, 1999. С. 98, 100, 102. Ср.: «Видимо, Достоевский, осознанно или нет, но близок идее апокатастасиса <...> с другой стороны, никаких окончательных решений, на манер позитивистов, он тоже не торопится предлагать» (Исупов К. Г. Метафизика Достоевского. М.; СПб., 2016. С. 139, 148).

¹⁸ Ковалевская Т. В. Мармеладов как микрокосм: грехопадение, апокалипсис и народное христианство // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56). Ч. 1. С. 38, 42.

¹⁹ Как замечает Е. Новикова, «известные слова из проповеди Иисуса Христа двенадцати апостолам <...> в XIX в. уже имеют статус общекультурной цитаты, почти превратившейся в поговорку» (Новикова Е. Г. Указ. соч. С. 95).

Продолжительный монолог (когда «исповедь» переходит в «проповедь») произнесен в кабаке, перед Раскольниковым и среди пьяного окружения:

Очевидно, Мармеладов был здесь давно известен. Да и склонность к витиеватой речи приобрел, вероятно, вследствие привычки к частым кабачным разговорам с различными незнакомцами. Эта привычка обращается у иных пьющих в потребность <...> в пьющей компании они и стараются всегда как будто выхлопотать себе оправдание, а если можно, то даже и уважение.

Такое слово невозможно в церкви, перед священником, где исповедь является частью традиционного обряда и совершается по строго определенным правилам, в устоявшейся форме, где проповедь читается только священником, посредником между Богом и человеком. Не в церковь, которая находится, по словам Достоевского, «в параличе с Петра Великого» (27, 49), а в распивочную со своим горем идет Мармеладов и неизбежно оказывается во власти дьявольской силы («...во взгляде его светилась как будто даже восторженность, — пожалуй, был и смысл и ум, — но в то же время мелькало как будто и безумие»). И перед внешне красивым («с прекрасными темными глазами») Раскольниковым Мармеладов (с «желтым лицом» и «красноватыми глазками», с «грязными, жирными, красными, с черными ногтями» руками) уже сам выступает в роли **беса-искусителя**, разоблачающим маркером которого служит черный цвет (как и в древнерусском искусстве²⁰): «Одет он был в старый, совершенен оборванный черный фрак с осыпавшимися пуговицами».

Но когда он умирает, появляется и «священник с запасными дарами, седой старичок» (Ч. 2, гл. 7), для совершения за деньги необходимого для умирающего христианина обряда²¹. Этот священник напоминает читателю старика из «безобразного сна» Раскольникова, «седого старика с седою бородой, который качает головой и осуждает все это» (Ч. 1, гл. 5), старика, беспомощного и бессильного чем-либо помочь в ситуации жестокой расправы над «саврасой крестьянской клячонкой». Почти безликие священники только два раза появляются на страницах романа, чтобы причастить «раздавленного» и умирающего Мармеладова и отслужить панихиду по умершей Катерине Ивановне. Кроме того, еще в первом сне Раскольникова один раз упоминается «старый священник с дрожащею головой» из «каменной церкви с зеленым куполом».

Т. Касаткина, отмечая, что «для Раскольникова <...> пространство мира поделено на части, на два ряда противостоящих друг другу ценностей, два пространства: пространство церкви и пространство кабака», утверждает, что Раскольников «не знает, что оба эти ряда ценностей включены в целое мира, а не противопоставлены друг другу», что, когда Раскольников после своей «пробы» входит в распивочную, «здесь впервые в романе начинает срабатывать эффект совмещения простран-

²⁰ См.: Антонов Д. И., Майзульс М. Р. *Анатомия ада: Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии*. М., 2014. С. 61.

²¹ Приведем слова старца Зосимы из черновики к роману «Братья Карамазовы», видимо в определенной степени отражающие и позицию автора: «Что теперь для народа священник? <...> Что за слова Христовы без примера? А ты и слова-то Христовы ему за деньги продаешь... Правду ли говорят малoverные, что не от попов спасение, что вне храма спасение? Может, и правда. Страшно сие» (15, 253). Как отмечает болгарский исследователь, «полны тревоги, боли и упрека слова творца, обращенные к православному духовенству в ряде статей „Дневника“ за 1873 и за 1877 годы» (Нейчев Н. *Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского*. Екатеринбург, 2010. С. 24). Неоднозначное отношение Достоевского к реальной исторической церкви — это отдельная и очень сложная проблема.

ства, „освящения кабака“ — кабак на наших глазах становится церковью»²². В этом вопросе нам все же ближе позиция Н. Нейчева, который говорит о явном и постоянном противопоставлении в романе Достоевского Божьего храма (Церкви) и кабака как «храма» зла:

Вокруг этого сатанинского места вращается все злое. Оно превращается в материальный символ отвратительной язвы, пожирающей русский народ изнутри <...> Для Раскольникова любое вхождение в кабак табуировано, ассоциируется с перешагиванием запретов, что всегда сопровождается роковыми последствиями²³.

С нашей точки зрения, кабак является дьявольской пародией на церковь, и там продолжается борьба дьявола с Богом в душе падшего человека²⁴. В действительности романа губительный **кабак** (дешевый трактир, грязная распивочная), через который проходит путь главного героя к преступлению, и спасительная **церковь** (куда уже на каторге «на второй неделе великого поста» идет Раскольников «молиться вместе с другими») оказываются противоположными полюсами²⁵:

1) Именно в «*плохеньком трактиришке*» за полтора месяца до преступления Раскольников услышал разговор студента с офицером об Алене Ивановне, «когда в собственной голове его только что зародились... такие же точно мысли» (Ч. 1, гл. 6).

2) После посещения квартиры старухи-процентщицы, после так называемой «*пробы*», именно в распивочной Раскольников быстро преодолевает «*чувство бесконечно-го отвращения*» к тому, что задумал:

Он уселся в темном и грязном углу, за липким столиком, спросил пива и с жадностью выпил первый стакан. Тотчас же все отлегло, и мысли его прояснели. «Все это вздор, — сказал он с надеждой, — и нечем тут было смущаться! Просто физическое расстройство! Один какой-нибудь стакан пива, кусок сахара — и вот, в один миг, крепнет ум, яснее мысль, твердеют намерения! Тыфу, какое все это ничтожество!..»

В этом изменении состояния Раскольникова Татьяна Касаткина вслед за Любовью Левшун, известным белорусским исследователем восточнославянской средневековой книжности, увидела воздействие «святого причастия»:

Л. В. Левшун заметила, что кусок сахара и стакан пива напоминают о причастии. И действительно <...> причастие подействовало, освободило Раскольникова от тяжести и тоски. Раскольников <...> подвергается воздействию святого причастия, соединяющего его с людьми и изгоняющего злобу и презрение из его сердца («дружелюбно окинул глазами присутствующих»). За причастием следует и проповедь — из уст Мармеладова...²⁶

В нашем восприятии это «**дьявольское причастие**», которое помогает Раскольникову на время избавиться от чувства отвращения к тому, что он задумал («*О Боже!*

²² Касаткина Т. А. Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников) // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 11. СПб., 1994. С. 84.

²³ Нейчев Н. Указ. соч. С. 214 — 215.

²⁴ «...Вывернутая наизнанку церковь — это кабак, своеобразный „антирай“, где все наоборот» (Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 20).

²⁵ В тексте романа слово «кабак» появляется 14 раз, «распивочная» — 20, «трактир» — 23, а «церковь» — только 7, «собор» — 2 раза (См.: Конкорданс (Указатель слов в контексте) к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: В 3 т. Сарго, 1994).

²⁶ Касаткина Т. А. Категория пространства... С. 85.

как это все отвратительно!»), освободиться от **мук** своей **совести**: «...он глядел уже весело, как будто внезапно освобождаясь от какого-то ужасного бремени...»

3) В первом сне Раскольникова семилетний мальчик с отцом идет мимо «большого кабака, всегда производившего на него неприятнейшее впечатление и даже страха», идет к «каменной церкви, с зеленым куполом», и на глазах у него вышедшие из кабака пьяный Миколка и «пьяные-препьяные большие такие мужики» забивают до смерти несчастную кобыленку (Ч. 1, гл. 5).

4) В трактуре «Хрустальный дворец» происходит очень опасный поединок Раскольникова с Заметовым, когда ему ужасно хочется «язык высунуть» («А что, если это я старуху и Лизавету убил?»), но он «опомнился» и окончательно развеял подозрения у Заметова: «Он вышел, весь дрожа от какого-то дикого истерического ощущения, в котором между тем была часть нестерпимого наслаждения...» (Ч. 2, гл. 6).

Итак, сначала в распивочной, а затем в трактуре «Хрустальный дворец» Раскольников обретает внутреннюю силу и для совершения чудовищного преступления, и для дальнейшей борьбы за «справедливость», а также для борьбы со своей совестью, ставшей для него «ужасным бременем». В сцене встречи Раскольникова с Мармеладовым, говорит Т. Касаткина, «кабак на наших глазах превращается в церковь»²⁷, но это мнимое превращение, так и не осуществившееся ни для Раскольникова, ни для Мармеладова. На месте священника невольно оказывается будущий убийца Раскольников, к которому и обращается Мармеладов, а через него — как будто и к Богу.

В научной литературе о романе Достоевского преобладают два объяснения гибели Мармеладова — **социальная** причина²⁸ (бедность, воздействие «общественной среды», следствием чего и является его пьянство)²⁹, и это вызывает у читателей естественное **сострадание** к «униженному и оскорбленному» человеку как жертве социального насилия (В. Кирпотин, В. Кожинов, Н. Кашина, Е. Мелетинский, Г. Старостина, А. Злочевская и др.³⁰), и **пьянство** как личный порок слабого, безвольного человека³¹, из чего следует его неизбежное и суровое **осуждение** (Г. Мейер, М. Дунаев, К. Накамура, В. Кантор и др.)³². Но проблема заключается в выявлении и других, более важных причин этого пьянства и гибели «маленького человека»³³.

О «штифтике в бюрократической машине» (В. Кожинов) в тексте романа ничего нет. О генерале же, представителе государства, сам Мармеладов говорит так: «Его

²⁷ Касаткина Т. А. Между Богом и... теорией? // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 9 т. М., 2003. Т. 3. С. 108.

²⁸ «Для нас же Мармеладов — живой, тонко чувствующий и глубоко переживающий страдания окружающего мира человек, возрождение которого возможно при соответствующих социальных условиях» (Кузнецов О.Н., Лебедев В.И. Достоевский над бездной безумия. М., 2003. С. 112).

²⁹ В. Зубарева и трагедию Катерины Ивановны связывает прежде всего с положением сословий: «История Катерины Ивановны — это не частная трагедия, а последствие государственного злодеяния, которое разрастается до государственного масштаба. Неестественно, с точки зрения Достоевского, введенные Петром сословия обречены на гибель» (Зубарева В. Морфология преступления в «Преступлении и наказании» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 30 (1). М., 2013. С. 268).

³⁰ «Вправе ли общество сознавать себя добрым, гуманным, обществом людей, если хотя бы одному его представителю — Мармеладову — некуда идти?» (Гагаев А. А., Гагаев П. А. Православие и русская литература. М.; СПб., 2012. С. 173).

³¹ Эту точку зрения разделяет и немецкий психоаналитик К. Леонгард в своей книге «Акцентуированные личности» (Ростов-на-Дону, 2000. С. 369, 427).

³² Например, А. Аникин заключает: «Семен Иванович (так в тексте работы. — В. В.) ничтожен показательно, гротескно: титулярный советник, но — уже совершенно спившийся, урод, оборванный, битый и почти безумный» (Аникин А. А. Тема «маленького человека» в русской классике // Темы русской классики. М., 2000. С. 116).

³³ По мнению Т. Касаткиной, «везде в романе — близкие страдают по вине своих близких, ближних, а вовсе не из-за социальных условий» (Касаткина Т. А. Между Богом и... теорией? С. 107).

*превосходительство Ивана Афанасьевича изволите знать?.. Нет? Ну так Божия чело-
века не знаете! Это — воск... воск перед лицом Господним; яко тает воск!..»*

О. Меерсон в словах «яко тает воск» из 67-го псалма (имеющих резко негативную семантику) отмечает авторское обличение «генералишки» (как назовет его Катерина Ивановна)³⁴. С нашей точки зрения, этими словами автор «разоблачает» не начальника, а самого Мармеладова, который очень поверхностно и часто неверно воспринимает библейские тексты.

Грех пьянства Мармеладова литературовед Г. Старостина, опираясь на работу Ф. Буслаева, соотносит прежде всего с язычеством: «Мотив язычества прочно связывается в монологе Мармеладова с темой пьянства, кабака». И в то же время «кроткое пьянство» Мармеладова она тоже объясняет социальной причиной, «безнадёжностью нищенской жизни»: «Осознал себя изгоем, потерял всякую надежду выбраться из нищеты и Мармеладов, который живет в условиях пореформенной России, когда вовсе исключается жалость и сострадание к человеку»³⁵. Но заметим, что через несколько лет после создания «Преступления и наказания», в «Дневнике писателя» за 1873 год, в статье «Среда», Достоевский вполне определенно, как отмечает Д. Григорьев, «высказал свое убеждение о взаимоотношении человека с обществом»:

Делая человека ответственным, христианство признало тем самым и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить (21, 16)³⁶.

Современный философ С. Никольский видит в образе Мармеладова обыденный тип «подпольного» человека³⁷, у которого «низменная структура сознания и под-сознания» и который «творит зло по отношению к ближним», «до краев заполнен грязью» и любит «копаться в грязи». По сути, исследователь находит в этом персонаже не столько «человека» («Се человек!»), сколько «подлеца» со «звериным образом», «свинью», «скота», если использовать слова самого Мармеладова. Он говорит о «психологических пытках, изобретаемых и производимых Мармеладовым» над близкими, и считает, что Раскольников «меньший злодей, чем Семен Захарыч: он чужих людей убил, и притом сразу, а Мармеладов убивает свою жену и детей, и к тому же многократно»³⁸. Позиция философа фактически совпадает с отношением к Мармеладову Катерины Ивановны, когда она говорит: «Колодник! Изверг!..»

Уже в начале монолога Мармеладов объясняет свой порок («питейное») нищетой, то есть социальной причиной:

³⁴ Меерсон О. Библейские интертексты у Достоевского. Кошунство или богословие любви? // Достоевский и мировая культура. Альманах № 12. М., 1999. С. 47.

³⁵ Старостина Г. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и статья Ф. И. Буслаева «Повесть о горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин» (средневековые жанры в структуре романа) // Русская литература. 2004. № 3. С. 144, 146.

³⁶ Григорьев Д. Д., протоиерей. Достоевский и Церковь. У истоков религиозных убеждений писателя. М., 2002. С. 38.

³⁷ А. Криницын в произведениях Достоевского выделяет две разновидности подпольного характера: «гордецы» и «шуты»; к последним он относит и Мармеладова (Криницын А. Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф. М. Достоевского. М., 2001. С. 32).

³⁸ Никольский С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX — XX веков. М., 2015. С. 296, 302, 316, 318. Задолго до этого другой исследователь назвал Мармеладова «убийцей Сони и Катерины Ивановны» (Одинокое В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1981. С. 87).

Милостивый государь, — начал он почти с торжественностью, — бедность не порок, это истина <...> Но нищета, милостивый государь, нищета — порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя. И отсюда питейное!

Но внимательное чтение и анализ второй главы романа позволяют выявить иные и более важные (**онтологическую, нравственную, психологические**) причины гибели Мармеладова, связанные с его личностью, характером и с отношением к нему Катерины Ивановны. Для нас Мармеладов является не просто и не только «*пьяницей*», но и человеком достаточно образованным и начитанным. Из его монолога следует, что он хорошо знает Библию, свободно цитирует ветхозаветные и новозаветные тексты, читал духовные стихи о Страшном суде и произведения древнерусской литературы (например, «Повесть о бражнике»³⁹). По предположению философа А. Дугина, его слова о «*благородстве врожденных чувств*» говорят о том, что он «читал Лоренса Стерна или Руссо»⁴⁰. Мармеладов не смог дать Соне хорошее образование («*Пробовал я с ней, года четыре тому, географию и всемирную историю проходить...*»), но смог «заразить» ее верой в Бога.

2.

Образ Катерины Ивановны в романе является сложным, неоднозначным и имеет разные интерпретации в литературоведении. Г. Мейер воспринимает Катерину Ивановну как человека с «глубокой верой», с требованием «небесной справедливости», с «праведной и священной» гордостью, воспринимает как «праведно бунтующего» человека⁴¹. По мнению Г. Боград, Катерина Ивановна «умирает как святая, на символическом кресте. Ее последние слова <...> превращают этот образ в огромный символ всех безвинно страдающих существ»⁴².

Отдельные исследователи, несмотря на естественное сострадание к несчастной Катерине Ивановне, говорят о проявлении в ней таких опасных человеческих пороков, как «оскорбленное, болезненное самолюбие» (А. Чичерин), «гордыня и тщеславие» (М. Дунаев). В научной литературе неоднократно отмечались черты сходства Катерины Ивановны и главного героя романа (Н. Чирков, В. Кожинов, А. Власкин и др.). А Т. Касаткина во многих своих работах прямо называет Катерину Ивановну, которая «хочет справедливости немедленно и во что бы то ни стало», «**эмоциональным двойником**» Раскольникова⁴³. Именно идея двойника и является определяющей в нашей интерпретации этого образа.

Из надрывного монолога Мармеладова мы можем последовательно восстановить историю возникновения и падения его семьи.

³⁹ Впервые на связь «патетической речи» Мармеладова с этой древнерусской повестью обратила внимание Л. Лотман. См.: Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974. С. 286 — 290.

⁴⁰ Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Последний Бог. М., 2014. С. 401.

⁴¹ Мейер Г. А. Свет в ночи (о «Преступлении и наказании»): Опыт медленного чтения. Франкфурт-на-Майне, 1967. С. 120, 239, 292, 412.

⁴² Боград Г. Метафизическое пространство и православная символика как основа мест обитания героев романа «Преступление и наказание» // Достоевский: дополнения к комментарию. С. 188.

⁴³ См.: Касаткина Т. А. Категория пространства... С. 83; Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. М., 1996. С. 83.

Вдовой уже взял ее, с троими детьми, мал мала меньше. Вышла замуж за первого мужа, за офицера пехотного, по любви, и с ним бежала из дому родительского. Мужа любила чрезмерно, но в картишки пустился, под суд попал, с тем и помер. <...> И осталась она после него с тремя малолетними детьми в уезде далеком и зверском, где и я тогда находился, и осталась в такой нищете безнадежной, что я хотя и много видал приключений различных, но даже и описать не в состоянии. Родные же все отказались. Да и горда была, чересчур горда...

Итак, Катерина Ивановна с тремя малолетними детьми оказалась в «*нищете безнадежной*» вследствие несчастья и смерти первого мужа, но все родные отказались помочь из-за ее гордыни («*горда была, чересчур горда*»). Как «блудная дочь», она, нарушив волю родителей, «*бежала из дому*» с пехотным офицером и в своей беде не захотела смириться, повиниться перед родителями и вернуться к ним, а те в свою очередь не простили чересчур гордую дочь, отказались от нее. Катерина Ивановна не чувствует, не понимает связи всех своих несчастий с собственной виной перед родными. Именно **гордыня**, в христианстве один из основных человеческих пороков и опасных грехов⁴⁴, является общей чертой Катерины Ивановны и Раскольникова⁴⁵. Дальше Мармеладов продолжает рассказ:

И тогда-то, милостивый государь, тогда я, тоже вдовец, и от первой жены четырнадцатилетнюю дочь имея, руку свою предложил, ибо не мог смотреть на такое страдание. <...> И целый год я обязанность свою исполнял благочестиво и свято и не касался сего (он ткнул пальцем на полуштоф), ибо чувство имею. Но и сим не мог угодить; а тут места лишился, и тоже не по вине, а по изменению в штатах, и тогда прикоснулся!..

Семен Захарович Мармеладов, видимо, не только из жалости, но и «по любви» женился на еще красивой Катерине Ивановне, «*образованной <...> и сердца высокого, и чувств облагороженных воспитанием*», «*высокой и стройной, еще с прекрасными темно-русыми волосами*». Он, может быть, женился, увидев в ней отсвет попавшей в беду Марьи-царевны из русских сказок⁴⁶, прозрев в ней образ Божий. По словам Со-ни, «*какая она умная была... какая великодушная... какая добрая! <...> Это такая несчастная, ах, какая несчастная! И больная... Она справедливости ищет... Она чистая*» (Ч. 4, гл. 4). Екатерина в переводе с греческого означает «чистая», но в реальной Катерине Ивановне, которая «*в работе с утра до ночи, скребет и моет и детей обмывает, ибо к чистоте сызмальства привыкла*», проявляется стремление только к физической чистоте и нет внутренней потребности духовной чистоты, нет стремления через покаяние к очищению своей души.

Такая чистота Катерины Ивановны неожиданно переключается и с чистотой в квартире старухи-процентщицы («*Ни пылинки нельзя было найти во всей квартире. „Это у злых и старых вдовиц бывает такая чистота“*», — продолжал про себя Рас-

⁴⁴ «...Старцы часто говорили, что грехи плоти более безопасны, потому что смиряют человека, а вот грехи духовные воистину ужасны и отвратительны — тем именно, что часто допускают гордиться собою и, значит, вязнуть и вязнуть в этой трясине» (Касаткина Т. А. Воскрешение Лазаря... С. 183).

⁴⁵ Утверждение Е. Мелетинского, что именно «бедность Катерины Ивановны порождает гордость» (Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского. М., 2001. С. 75), равносильно мнению, что прежде всего из-за бедности Раскольников совершает преступление.

⁴⁶ В имени «Семен» В. Топоров отмечает два значения: 1) знак героя «нижне-среднего уровня»; 2) со-держит положительные фольклорные ассоциации: Семен, герой сказок, «женится на Марье-царевне» (Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995. С. 152).

кольников...»), и с необходимой «чистотой» Сони, которая «по желтому билету пошла», о чем рассказывает Мармеладов («Ведь она теперь чистоту наблюдать должна. Денег стоит сия чистота особая-то, понимаете? <...> Понимаете ли, понимаете ли, сударь, что значит сия чистота?»).

Очень важно понять, что Мармеладов через год семейной жизни и добросовестной службы стал пить не потому, что до этого уже был алкоголиком⁴⁷ или места лишился, а потому, что ничем, по его словам, «**не мог угодить**» Катерине Ивановне, «*даме горячей и раздраженной*», «*великодушной, но несправедливой*». И Мармеладов снова оказался «предан плотскому греху пьянства» (Т. Касаткина), но уже от другого горя: «...о, если б она пожалела меня!» Одну из **психологических причин** своего падения Мармеладов объясняет так:

Ну-с, я пусть свинья, а она дама! Я звериный образ имею, а Катерина Ивановна, супруга моя, — особа образованная и урожденная штаб-офицерская дочь. Пусть, пусть я подлец, она же и сердца высокого, и чувств облагороженных воспитанием исполнена. А между тем... о, если б она пожалела меня! Милостивый государь, милостивый государь, ведь надобно же, чтоб у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели! А Катерина Ивановна дама хоть и великодушная, но несправедливая <...> но, Боже, что если б она хотя один раз...

Дальше он как будто противоречит себе и (может быть, вспомнив молитву, многократно повторяемую в храмах на Великий пост: «Господи, дай мне зреть мои согрешения и не осуждать брата моего!») опровергает только что сказанное, по-христиански обвиняет только себя:

Но нет! нет! все сие втуне, и нечего говорить! нечего говорить!.. ибо и не один уже раз бывало желаемое, и не один уже раз жалели меня, но... такова уже черта моя, а я прирожденный скот!»\

И сама Катерина Ивановна в сцене поминок по Мармеладову прямо говорит о своей былой жалости к «покойнику»:

Вот вы, наверно, думаете, как и все, что я с ним слишком строга была, — продолжала она, обращаясь к Раскольникову. — А ведь это не так! Он меня уважал, он меня очень, очень уважал! Доброй души был человек! И так его жалко становилось иной раз! Сидит, бывало, смотрит на меня из угла, так жалко станет его, хотелось бы приласкать, а потом и думаешь про себя: «приласкаешь, а он опять напьется», только строгостию сколько-нибудь и удержать можно было (*выделено мной. — В. В.*).

И все же для нас является несомненной вина «гордой» Катерины Ивановны, которая не смогла решить очень важную для семьи проблему соотношения **жалости-любви и строгости**⁴⁸. По существу, здесь и таким образом Достоевский говорит о главном нравственно-психологическом законе семейной жизни: в искренней жалости и глубоком сострадании к ближнему заключается основ-

⁴⁷ Предысторию первой семьи Мармеладова до встречи с Катериной Ивановной мы не знаем, но, судя по его родной дочери Соне, это было «благочестивое семейство», а пить он стал, видимо, с горя, после смерти первой жены.

⁴⁸ Как показал Л. Толстой уже на первых страницах повести «Детство», легко и мудро эту ключевую для любого воспитателя и учителя проблему решает Карл Иванович, гувернер Николеньки.

ное условие возможного благополучия, спокойствия и даже счастья в семье⁴⁹. Слабому и безвольному Мармеладову, но, по словам митрополита Антония (Храповицкого), «человеку с нежным сердцем»⁵⁰, необходимо не изредка, не от случая к случаю, не по праздникам, а, как маленькому и беззащитному ребенку⁵¹, ежедневно, постоянно чувствовать к себе жалость-любовь и сострадание, внимание и заботу со стороны жены. Семья для него, согласно христианскому учению, есть «малая церковь», главная опора в жизни; она могла дать ему силы и терпение вынести все, ходить на службу и приносить жалованье. Возможно, только жалостью Катерина Ивановна и могла спасти Мармеладова, «доброй души» человека, а он спас бы свою семью от нищеты и голода, ибо, по словам Т. Касаткиной, «человек спасается человеком и никак иначе быть спасен не может <...> Но людей посылает Бог»⁵². Если в родной семье нет настоящего сострадания, тогда все для него теряет смысл, тогда «*всему конец*» и лучше в кабак, а потом под колеса проезжающей коляски, «*ибо некуда больше пойти*»; ни дома, в семье, ни в церкви он не находит настоящего и глубокого сострадания⁵³. «Случайное семейство»⁵⁴, в котором нет христианского чувства жалости-любви друг к другу, переходит «в какую-то чухотку русской семьи»⁵⁵, обречено на муку, горе и гибель, так как становится Мертвым домом, настоящим адом, созданным самими людьми, адом, в котором невозможно «восстановление павшего человека».

Выйдя за Мармеладова, Катерина Ивановна не изменилась внутренне, не смирила свою гордыню, ибо в Мармеладове, видимо, почувствовала не столько искреннее сострадание к себе и своим детям, сколько эгоистическое, корыстное чувство. Подобно тому как Лужин хотел жениться именно на бедной, чтобы потом всю жизнь «*жена считала мужа за своего благодетеля*», так и Мармеладов, вполне возможно, сознательно или бессознательно, надеялся на то, что Катерина Ивановна будет ему благодарна за то, что из нищеты взял. Раскольников был возмущен Лужиным и выгнал его, помешав намечавшемуся браку, а гордая Катерина Ивановна пошла за Мармеладова, «*ибо некуда больше идти*», и, вероятно, этого не могла простить ему и мстила недовольством и постоянной руганью. А Мармеладов хотел любви-жалости как благодарности, как награды. Эгоистическая жалость к себе и обида на другого человека — греховные, опасные, страшные своей разрушительной силой чувства прежде всего для собственной души; эти чувства и определяют состояние души как внутренний ад.

⁴⁹ Достоевский в письме М. Исаевой 4 июня 1855 г. пишет: «Женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта <...> незаменимо» (281, 187).

⁵⁰ Антоний (Храповицкий), митрополит. Ф. М. Достоевский как проповедник возрождения // Ф. М. Достоевский и православие. 2-е изд. М., 2015. С. 145.

⁵¹ С ребенком в тексте романа неоднократно сравниваются Лизавета, Соня, Катерина Ивановна, Раскольников. См.: Кожевникова Н. А. Сквозные слова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Слово Достоевского. 2000. Сб. статей. М., 2001. С. 158.

⁵² Касаткина Т. А. Между Богом и... теорией? С. 109.

⁵³ Ср. с иным утверждением: «...прощение является главным лейтмотивом семьи Мармеладовых, каждый из которых чувствует себя бесконечно виноватым перед остальными (Мармеладов — за пьянство, Соня — за позор, Катерина Ивановна — за невозможность создания „благородной“ семьи и сохранения уюта и порядка), и поэтому прощение становится соединяющей их жизненной силой» (Криницын А. Б. Указ. соч. С. 276).

⁵⁴ Как отмечает О. Юрьева, Достоевский в своих произведениях рассматривает три типа русского семейства: «случайное», «ленивое» и «благочестивое» (Юрьева О. Образ «русского семейства» в творчестве Ф. М. Достоевского и в русской литературе XX века // Достоевский и XX век: В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 536).

⁵⁵ Розанов В. В. Сочинения. М., 1990. Т. 2. С. 447.

Если гордость умного Раскольникова находится на высшей ступени развития этого порока, что соответствует крайней степени падения человека в религиозном и этическом отношениях, то житейская гордость «раздраженной» Катерины Ивановны располагается главным образом на начальной ступени и проявляется прежде всего в отношении к окружающим людям⁵⁶. Ее гордость ведет к нежеланию смириться с судьбой и обстоятельствами, ведет к протесту на бытовом уровне, к постоянному раздражению и бунту против всех и вся, к злой ругани и упрекам в адрес мужа⁵⁷. Она постоянно бьет своих маленьких детей: «Ибо Катерина Ивановна такого уж характера, и как расплачутся дети, хоть бы и с голоду, тотчас же их бить начинает». «Гордость и тщеславие» Катерины Ивановны проявляется и в решении устроить поминки по умершему Мармеладову, «особенная гордость бедных», проявляющаяся в желании «показать всем этим «ничтожным и скверным жильцам» свое превосходство над ними, в стремлении доказать им «похвальным листом», что она «из самого благородного <...> аристократического дома, полковничья дочь» (Ч. 5, гл. 2). Гордая Катерина Ивановна была несправедлива не только к Мармеладову, но и к своей падчерице Соне:

А тем временем возросла и дочка моя, от первого брака, и что только вытерпела она, дочка моя, от мачехи своей, возрастая, о том я умалчиваю <...> А тут ребятишки голодные... А тут Катерина Ивановна, руки ломая, по комнате ходит, да красные пятна у ней на щеках выступают, — что в болезни этой и всегда бывает: «Живешь, дескать, ты, дармоедка, у нас, ешь и пьешь, и теплом пользуешься», а что тут пьешь и ешь, когда и ребятишки-то по три дня корки не видят!

Подтолкнув Сою на улицу, Катерина Ивановна фактически и без всяких умышленных поступков по «**арифметической теории**» Раскольникова: можно пожертвовать одним человеком, падчерицей, чтобы спасти от голода трех своих маленьких детей⁵⁸:

Лежал я тогда... ну, да уж что! лежал пьяненькой-с, и слышу, говорит моя Соня (безответная она, и голосок у ней такой кроткий... белокуренькая, личико всегда бледненькое, худенькое), говорит: «Что ж, Катерина Ивановна, неужели же мне на такое дело пойти? <...> — А что ж, — отвечает Катерина Ивановна, в пересмешку, — чего беречь? Эко сокровище! <...>» И вижу я, эдак часу в шестом, Сонечка встала, надела платочек, надела бурнусик и с квартиры отправилась, а в девятом часу и назад обратно пришла. Пришла, и прямо к Катерине Ивановне, и на стол перед ней тридцать целковых молча выложила.

⁵⁶ «...Ее поведение к другим людям просто чудовищно <...> Если выясняется, что человек не соответствует идеалу, созданному Катериной Ивановной — причем неважно, подл или смешон (ср.: Лужин и Амалия Ивановна), то тут же оказывается «виноват», и она уже полагает себя абсолютно вправе относиться к нему со всем презрением, насмешливостью, уничижительностью, на какие она только способна, а ее способности здесь поистине выдающиеся...» (Касаткина Т. О правоте // Достоевский и современность: материалы VIII Международных Старорусских чтений 1993 года. Новгород, 1994. С. 155).

⁵⁷ Как отмечает современник Достоевского, ныне забытый литератор Е. Марков, «даже к себе самой она давно потеряла всякую жалость; как в голосе ее уже не умели звучать другие ноты, кроме бранчливых, так и в сердце ее могло теперь жить только одно озлобление» (Марков Е. Л. Романист-психиатр // Литература. 2004. № 30. С. 28).

⁵⁸ В. Кантор совершенно необоснованно утверждает, что «у Достоевского дочь жертвует своей чистотой, чтобы спасти отца», что «отец Мармеладов, в сущности, выгоняет дочку на панель, чтобы были ему деньги на выпивку» (Кантор В. В парадигме дантовского «Ада». «Отец Горио» и «Преступление и наказание» // Вопросы литературы. 2014. № 5. С. 39).

О внутренней близости Катерины Ивановны и Раскольникова говорит и внешняя **красота** героев с темно-русскими волосами («*Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен*»; «*Это была ужасно похудевшая женщина, довольно высокая и стройная, еще с прекрасными темно-русскими волосами...*»), и «неподвижный» **взгляд**, и элементы **одежды** (шляпа Раскольникова, «самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону»; у Катерины Ивановны «изломанная соломенная шляпка, сбившаяся безобразным комком на сторону»), и сходное **состояние души** в конкретных ситуациях («*Он не спал, но был в забытьи*»; «*она была в каком-то забытьи*»), и такие общие черты, как **жестокость** и **жертвенность**, а также **болезнь** героев (Катерина Ивановна находится в последней стадии чахотки, тема болезни сопутствует Раскольникову на протяжении всего романа — от первой до последних страниц). Кроме того, А. Злочевская отмечает **нетерпение** как «капитальнейшую» черту натуры Раскольникова и «сниженно-пародийный вариант этой черты — в характере Катерины Ивановны»⁵⁹.

Как и Раскольников, Катерина Ивановна не верит ни в справедливость, ни в Божие милосердие. На слова священника: «*Бог милостив; надейтесь на помощь Всевышнего*» — она отвечает: «*Э-эх! Милостив, да не до нас!*» (Ч. 2, гл. 7). И Раскольников, и Катерина Ивановна воспринимают весь мир и окружающую среду как настоящий ад, не понимая, что реальный ад — это прежде всего состояние собственной души, что, согласно христианскому вероучению, «ад субъективен, а не объективен, он не в Боге, а в человеке, не в бытии, а в душе личности, а значит, может быть избыт по мере ее духовного просветления и возрастания, преодолен любовью и верой»⁶⁰.

Катерина Ивановна и Раскольников, как отмечают и Н. Нейчев, и Т. Касаткина, неоднократно в романе сравниваются с лошадью («*Раздевшись и весь дрожа, как заганная лошадь, он лег на диван, натянул на себя шинель и тотчас же забылся...*»). Но если для одного исследователя в сцене смерти Катерины Ивановны («*Уездили клячу*») выражена «идея о человеке, превращенном в жертву социального насилия»⁶¹, то для другого Катерина Ивановна оказывается одновременно и жертвой собственной гордыни, и «палачом» своих близких:

Аналогом лошади из сна является в романе Катерина Ивановна, падающая под грузом не реальных своих бед и забот, которые очень велики, но не только переносимы, а и неизменно в романе разрешаются посылаемым Богом помощником: Соней, Раскольниковым, Свидригайловым, даже Лебезятниковым — под грузом бед и забот ею себе романтически примысленных, и именно от этих бед, оскорблений и скорбей, существующих почти только в воспаленном мозгу ее, она в конце концов и гибнет — как «заганная лошадь». Катерина Ивановна воскликнет про себя: «*Уездили клячу!..*» И действительно, она лягается, отбиваясь от ужаса жизни из последних сил, как кляча из сна Раскольникова, но удары эти, попав на живых людей вокруг нее, часто бывают столь же сокрушительны, как удары копыт лошадей, раздробивших грудь Мармеладова (взять хотя бы ее поступок с Соней и слова, в результате которых девушка оказалась на панели)»⁶².

⁵⁹ Злочевская А. «Монологизирующие центры» романов Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 17. М., 2003. С. 208.

⁶⁰ Гачева А. Г. Творчество Достоевского и русская религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века // Достоевский и XX век. В 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 59.

⁶¹ Нейчев Н. Указ. соч. С. 213.

⁶² Касаткина Т. А. Священное в повседневном. С. 192 — 193.

Катерина Ивановна предстает истерично бунтующей и во время возвращения Мармеладова из кабака, и в сцене смерти Мармеладова, когда она не желает простить умирающего мужа и тем самым отвергает Божью заповедь о милосердии, и во время выхода ее с детьми на улицы города за подаванием, и перед смертью, когда она, нарушая долг христианина, отказывается от священника, от покаянной исповеди и причащения:

Что? Священника?.. Не надо... Где у вас лишний целковый?.. На мне нет грехов!.. Бог и без того должен простить... Сам знает, как я страдала!.. А не простит, так и не надо!.. <...> Довольно!.. Пора!.. Прощай, горемыка!.. Уездили клячу!.. Надорвала-а-сь! — крикнула отчаянно и ненавистно и грохнулась головой на подушку (Ч. 5, гл. 7).

Гордыня⁶³ оказывается самой главной преградой покаянию в душе Катерины Ивановны. Она не чувствует и на уровне сознания не понимает своей греховности, своей ответственности и вины ни перед мужем (которого она как будто даже винит за скандал на его же поминках: «*Ах, покойник, покойник! Ах, покойник, покойник! Видишь? Видишь? Вот тебе поминки!*»), ни перед маленькими детьми, которых она часто была, ни перед падчерицей. Эта **нераскаянность** Катерины Ивановны сближает ее с Раскольниковым, который даже на каторге, заболев «от уязвленной гордости», не признавал своей вины: «...он строго судил себя, и ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошедшем <...> Совесть моя спокойна <...> Вот в чем одном признавал он свое преступление: только в том, что не вынес его и сделал явку с повинною» (Эпилог, гл. 2).

Видимо, острое чувство своей вины перед Соней, когда та в первый раз пришла с «улицы» («...Катерина Ивановна, так же ни слова не говоря, подошла к Сонечкиной постельке и весь вечер в ногах у ней на коленках простояла, ноги ее целовала...»), в значительной степени притупилось, и она как будто привыкла к заработку Сони («Какой колодезь, однако ж, сумели выкопать! и пользуются! Вот ведь пользуются же! И привыкли. Поплакали и привыкли», — подумал Раскольников)⁶⁴. Но при всем этом можно говорить и о правоте Г. Померанца, который утверждает:

...гордую и вздорную Катерину Ивановну из «Преступления и наказания» Достоевский никогда не перестает любить <...> Одна из высших точек романа — сцена, когда Катерина Ивановна протягивает свой платок, захарканный кровью, священнику и тот смущенно умолкает (почувствовав фальшь в роли друга Иова). Меня тут захватывает волна сострадания, почти невыносимого, и я почти физически чувствую прорыв света сквозь тьму, как на картине Рембрандта. Думаю, именно в таких сценах Достоевский достигает катарсиса...⁶⁵

Другой «высшей точкой романа», вершиной в линии образа Катерины Ивановны, является поразительная сцена на поминках, когда Лужин обвинил Соню в воровстве, а Катерина Ивановна в испуге и негодовании на «изверга» стала выво-

⁶³ «По-настоящему гордый человек — это человек, который не признает над собой ни Божьего, ни человеческого суда...» (Митрополит Сурожский Антоний. Человек перед Богом. М., 2001. С. 115).

⁶⁴ Ср. противоположные высказывания: «...вина перед Соней не тяготит Катерину Ивановну» (Касаткина Т. А. О правоте. С. 156); «...не в последнюю очередь потому мешается она умом, что невыносимо ей бремя вины за Сонин грех, к которому именно ее жестокое слово подтолкнуло падчерицу» (Тихомиров Б. Н. Указ. соч. С. 30).

⁶⁵ Померанц Г. Каторжное пространство и открытое православие // Достоевский и мировая культура. Альманах № 13. СПб., 1999. С. 28.

рачивать карманы Сони, из которых на пол выпал «сторублевый кредитный билет». Но и тогда потрясенная Катерина Ивановна защищает Соню:

— Соня! Соня! Я не верю! Видишь, я не верю! — кричала (несмотря на всю очевидность) Катерина Ивановна, сотрясая ее в руках своих, как ребенка, целуя ее бессчетно, лоя ее руки и, так и впиваясь, целуя их. — Чтoб ты взяла! Да что это за глупые люди! О Господи! Глупые вы, глупые, — кричала она, обращаясь ко всем, — да вы еще не знаете, какое это сердце, какая эта девушка!

3.

А теперь вернемся к Мармеладову, который после того, как Соня в первый раз пошла на улицу, «*воздел руки к небу и отправился к его превосходительству Ивану Афанасьевичу*», поверившему ему и снова взявшему его на службу «*на личную свою ответственность*». И в семье вдруг все изменилось:

Только что узнали они обе, Катерина Ивановна и Сонечка, Господи, точно я в царствие Божие переселился. Бывало, лежишь, как скот, только брань! А ныне: на цыпочках ходят, детей унимают: «Семен Захарович на службе устал, отдыхает, тш!» Кофеем меня перед службой поят, сливки кипятят! Сливки настоящих доставать начали, слышите! <...> Когда же, шесть дней назад, я первое жалованье мое — двадцать три рубля сорок копеек — сполна принес, малявочкой меня назвала: «Малявочка, говорит, ты эдакая!» И наедине-с, понимаете ли? Ну, уж что, кажется, во мне за краса и какой я супруг? Нет, ущипнула за щеку. «Малявочка ты эдакая!» — говорит.

Казалось бы, все хорошо: снова есть служба, есть забота и внимание в семье, снова можно выбраться из беспросветной нищеты и жить по-человечески. Но что же дальше произошло? Почему же случился этот последний и окончательный срыв вместо воскресения к жизни приниженной и забитой человеческой души?

И в продолжении всего райского дня моей жизни и всего того вечера я и сам в мечтаниях летучих препровождал: и, то есть, как я это все устрою, и ребятишек одену, и ей покой дам, и дочь мою единородную в лоно семьи возвращу... И многое, многое <...> а на другой же день, после всех сих мечтаний (то есть это будет ровно пять суток назад тому) к вечеру, я хитрым обманом, как тать в ночи, похитил у Катерины Ивановны из сундука ее ключ, вынул, что осталось из принесенного жалованья, сколько всего уж не помню, и вот-с, глядите на меня, все! Пятый день из дома, и там меня ищут, и службе конец, и вицмундир в распивочной у Египетского моста лежит, взамен чего и получил сие одеяние... и всему конец!

С нашей точки зрения, могут быть следующие объяснения этого срыва. Мармеладов не поверил в возможность продолжительного существования такого «*царствия Божия*» в своей семье или не поверил в искренность чувств Катерины Ивановны и понимал, что вся забота и внимание вызваны только тем, что он теперь ходит на службу и приносит жалованье, а покупать жалость за деньги он не может и не хочет⁶⁶. И у него в глубине души есть чувство собственного достоинства.

⁶⁶ «С мужем своим Катерина Ивановна обращается „по справедливости“, она внимательна и почти-тельно к нему, даже до чрезмерности, когда он „выполняет свой долг“, и обращается с ним ужасающе, как только он отклоняется от предписанных норм. То есть отношение к человеку целиком исчезает за отношением к исполнению им своих функций» (Касаткина Т. О правоте. С. 155).

Но все же более значимой, возможно, является другая причина: Мармеладов место «достал и опять потерял» уже по собственной вине, так как «**черта наступила**», ибо в определенной ситуации, как пишет Достоевский в «Записках из Мертвого дома», человек «уже поневоле как-то делается не властен в своих ощущениях» (4, 154), становится «палачом» и по отношению к себе, чувствует **наслаждение** в своем пороке, в своем падении, мучая себя, испытывает сладость и самоуслаждение в состоянии «свиньи», «подлеца», «скота». Мармеладов уже стал рабом своей порочной страсти (вспомним сцену его гибели: «раздавленного захватило в колесо...»). Порок оказывается безобразным и сладостным одновременно. Душа Мармеладова, устремленная к Богу, но находящаяся во власти греховной плоти, уже не способна удержаться от греха пьянства⁶⁷, и он гибнет под копытами несущейся «лошади-плоти». Все доброе и высокое, сострадательное и совестливое уничтожается «подлой», себялюбивой и эгоистической природой человека. Дьявол побеждает Бога в душе Мармеладова.

Начиная с «Записок из подполья», Достоевский во многих своих произведениях (например, в повести «Игрок», в романах «Идиот», «Подросток», «Бесы», «Братья Карамазовы») пишет о ненормальной способности человека к мучительному наслаждению в самом страдании, о притягательных и сладострастных страданиях. А в «Дневнике писателя» за 1873 год есть запись о том, что человек даже способен испытывать «адское наслаждение собственной гибели» (21, 39). Подобное наслаждение, видимо, испытывает и Мармеладов⁶⁸. К нему можно отнести слова прот. А. Шмемана «об истерическом биении себя в грудь, которое никогда не бывает настоящим покаянием, но часто оказывается формой самоуслаждения»⁶⁹.

Современный философ А. Дугин в своей монографии о М. Хайдеггере отдельную главку «Мармеладов и путь нищеты» отводит монологу героя Достоевского, в котором в качестве ключевого фрагмента выделяет его размышления о бедности и нищете, и приходит к следующим «экзистенциальным» выводам:

Мармеладов прозревает <...> в падении своей семьи что-то более глубокое, что-то более донное, что-то более настоящее. Это «нищета» <...> «Порок» не нищета, «порок» — это индивидуум, возмнивший о себе, что он есть нечто, а не ничто <...> Мармеладову не надо достойной бедности. Именно он и стремится расстроить, смести, разломать, погубить. Он не хочет ни бедности, ни построенного на бедности богатства — он хочет нищеты, хочет достичь той волшебной грани, где именно нищета даст ему покой и спасение <...> он это делает, упорно и целеустремленно, с глубинным экзистенциальным упорством, с фанатизмом, с тайной убежденностью, что он не отброс, но мученик, герой, первопроходец великого русского пути к своему сердцу⁷⁰.

⁶⁷ Достоевский видел в пьянстве смертельно опасную национальную болезнь и одну из самых страшных форм «самоотрицания и самоуничтожения», национального самоистребления.

⁶⁸ Ю. Романов справедливо утверждает: «В болезненном самоуничтожении, превратившемся для него в решительное «наслаждение», — весь Мармеладов <...> В образе Екатерины Ивановны также заметно мармеладовское поклонение страданию, доходящее до мазохизма <...> бедствия и болезнь подталкивают полубезумную Катерину Ивановну все к новым и новым унижениям-страданиям, словно она уже и сама не может существовать без них. В сущности, вся ее жизнь — это цепь страданий и унижений, которых, кажется, она сама же и ищет...» (Романов Ю. А. О функции самоказни в героях романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и современность: Материалы XVI Международных Старорусских чтений 2001 года. Старая Русса, 2002. С. 162).

⁶⁹ Шмеман А., прот. Собрание статей. 1947 — 1983. М., 2009. С. 678.

⁷⁰ Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Последний Бог. М., 2014. С. 402.

В нашем понимании главный смысл противопоставления бедности и нищеты на психологическом уровне иной. *«Бедность не порок»* потому, что часто вызвана обстоятельствами, а нищета в данном случае является прежде всего следствием вины самого человека, его покорного подчинения греху пьянства, его отпадения от Бога, победы дьявола в душе человека, что исключает самоуважение и уважение других людей: *«...в нищете я первый сам готов оскорбить себя»*.

Вполне возможно предположить, что слова *«черта наступила»* раскрывают и **онтологическую** (религиозно-философскую) причину гибели Мармеладова: недостаточно глубокая вера и связанная с этим невозможность решить проблему личного смысла жизни, неспособность найти свое место в обществе и — шире — в мире. Только истинная религиозная вера (свойственная, например, Соне), центр которой — Христос, дает человеку духовную силу противостоять обстоятельствам, личной беде и помогает ему решить вечную проблему высшего смысла и личной жизни, и бытия в целом. Пьянство Мармеладова — это и **духовное самоубийство**, и форма бытового **бунта**⁷¹ **«маленького человека»** против несправедливости на разных уровнях человеческого бытия, человека, испытывающего жизненно **необходимую потребность богочеловеческого удела, без которого он глубоко несчастен. И «маленькому человеку» в мире Достоевского необходим высший смысл жизни, необходима глубокая религиозная, философская и нравственная идея, освещающая и оправдывающая его существование, его приход в этот мир. Прав Великий инквизитор в «Братьях Карамазовых», когда утверждает: «Тайна бытия человека не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле».**

Возвращение Мармеладова в кабак — это движение навстречу неотвратимой гибели (*«...и всему конец»*), а его смерть под копытами лошадей «так похожа на самоубийство» (Б. Тихомиров), на стремление освободить себя от бессмысленного и отравляющего существования⁷². Катерина Ивановна скажет: *«Ведь он сам, пьяный, под лошадой полез!»* В такой гибели видится стремление Мармеладова (подобно тому как *«хитрым обманом, как тать в ночи, похитил у Катерины Ивановны от сундука ее ключ»*) без явного самоубийства (что является смертным грехом), хитрым обманом, только надеясь на Божие милосердие, попасть в рай с *«черного хода»*, с *«черной лестницы»*. Но у рая нет черной лестницы.

Есть еще одна — **нравственная** — причина трагедии Мармеладова — **жалость к себе** (*«пьяненьким»* называет он сам себя; *«Выходите пьяненькие...»* — говорит и Господь устами Мармеладова). Это, казалось бы, естественное и не такое уж страшное **эгоистическое** чувство, которое ни в Писании, ни в Предании не рассматривается как отдельный и опасный грех. Каждому человеку уже с детства хорошо знакома эта жалость к себе, из которой легко вырастает обида на «ближнего» и «дальнего», на всех людей и на весь мир. Именно через это греховное чувство жалости к себе и отчасти связанное с этим *«питие»* черт и входит в душу Мармеладова и безраздельно овладевает ею⁷³. Из щемящей, обессиливающей жалости к себе возникает

⁷¹ «Пьянство — отличительная черта непокорного сына (Вт. 21: 20; Лк. 15: 11 — 13)» (Словарь библейских образов. СПб., 2005. С. 962).

⁷² «Мармеладов на своем опыте понял: лучше самому быть раздавленным, чем давить других» (Иванова Л. Н. Бестиарный мир в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский: дополнения к комментарию. С. 284).

⁷³ «Доминанта черт связана с доминантой пьяный, которая относится к мифологеме: бес в народном представлении выступает как изобретатель вина...» (Сырица Г. С. Поэтика портрета в романах Ф. М. Достоевского. М., 2007. С. 242).

неизбежная обида на другого: «...о, если б она пожалела меня <...> Катерина Ивановна <...> несправедливая». Эта жалость к себе, большая, чем к другим, в конкретной ситуации становится для безвольного и слабого духом Мармеладова губительным грехом. А в кабаке эта жалость значительно усиливается и предельно обостряется: «Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищю <...> Скорби, скорби искал я на дне его, скорби и слез, и вкусил и обрел...»

Остановимся подробнее на «скорби» Мармеладова и вспомним, с какими словами он обратился к Раскольникову в распивочной: «Молодой человек <...> в лице вашем я читаю как бы некую скорбь. Как вошли, я прочел ее, а потому тотчас же и обратился к вам».

Скорбь Раскольникова — это христианское чувство «глубокого сердца», чувство «сострадания и боли», «великой грусти», вызванной страданиями всех «униженных и оскорбленных», что проявляется в нем еще до убийства и в отношении к Мармеладовым («Уходя, Раскольников успел просунуть руку в карман, загреб сколько пришлось медных денег, доставшихся ему с разменянного в распивочной рубля, и неприметно положил на окошко»), и к матери и сестре, и к пьяной девочке на бульваре, и в «безобразном сне» к насмерть забитой пьяным и озверевшим Миколкой саврасой лошаденке. Такая скорбь, являющаяся и болью за человека, и тоской по Богу и вызванная **совестью** в душе человека, «чувством духа человеческого, тонкого, светлого, различающего добро от зла»⁷⁴, оказывается одной из глубинных причин бунта и ужасного преступления Раскольникова. Как заключает Г. Мейер, «если на лице человека запечатлелась скорбь, то, несмотря на его падение в гордыне, им не до конца завладел бес <...> Скорбь не дает Раскольникову окончательно упасть в глубины сатанинские...»⁷⁵ Эта скорбь является предвестием и залогом его чудесного и радостного преображения в эпилоге романа, «будущего воскресения его, будущего нового взгляда на жизнь».

В отличие от Раскольникова, «скорбь» Мармеладова, самочинно занявшего в своей проповеди место священника, — это «обветшавшее слово» (Л. Левшун), наполняемое человеком, искушаемым дьяволом, иным, губительным для него смыслом — прежде всего **жалостью к себе**, болью за себя, плачем над собой. Слово Мармеладова, в котором исследователи находят разные аллюзии и параллели и с евангельским текстом, и с легендой о бражнике, и с содержанием апокрифа «Хожделение Богородицы по мукам», и с духовными стихами⁷⁶, являющееся словесной «хитростью» и выражающее ложную мечту, обман воображения, подменой истины ложью, вдохновлено не «духом животворящим», способствующим Спасению, но «буквой, смертоносной и убивающей» (Л. Левшун).

Невозможность воскресения Мармеладова и его обреченность на гибель объясняются и тем, что его слово — это все-таки исповедь **пьяного** человека, и звучит она не в церкви, не в Божием храме, а в **кабаке**, в дьявольском «храме», в «сатанинском месте» (Н. Нейчев), где над душами людей властвует **бес**, и это слово произнесено не перед священником, а перед будущим убийцей, «своеобразным монахом дьявола», как его назвал А. Штейнберг⁷⁷. В «исповеди» Мармеладова есть искреннее раскаяние, но нет истинного покаяния, предполагающего «добровольное отречение от греха <...> и принятия на себя обязательства больше не гре-

⁷⁴ Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 1. М., 1993. С. 367.

⁷⁵ Мейер Г. А. Указ. соч. С. 111.

⁷⁶ См.: Тарасова Н. А. Христианская тема в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: Проблемы изучения. М., 2015. С. 149–150.

⁷⁷ Штейнберг А. З. Система свободы Достоевского. Paris, 1980. С. 53.

шить <...> прекращения совершения грехов, в которых кается данный человек»⁷⁸. Истинное покаяние предполагает твердое намерение исправить свою жизнь, и тогда возможно возрождение, преображение души, полное изменение существа.

В своей «исповеди-проповеди» Мармеладов и осуждает себя, кается в грехах, и в то же время глубоко жалеет и оправдывает себя, ищет жалости у окружающих людей, у Раскольникова («*Жаль вам теперь меня, сударь, аль нет?*»⁷⁹) и, услышав «*смех и даже ругательства*» хозяина и других посетителей распивочной («*Да чего тебя жалеть-то?*»), вдруг восклицает в «*решительном вдохновении*»:

Жалеть! зачем меня жалеть! <...> Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его! И тогда я сам к тебе пойду на пропятие, ибо не веселья жажду, а скорби и слез!.. <...> а пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, он единый, он и судия. <...> И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!» И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: «Свиньи вы! образа звериного и печати его; но придите и вы!» И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: «Господи! почто сих приемлеш?» И скажет: «Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...» И прострет к нам руке свои, и мы припадем... и заплачем... и все поймем! Тогда все поймем!.. и все поймут... и Катерина Ивановна... и она поймет... Господи, да придет царствие твое!

У Достоевского, как считает Г. Померанец, «надежда на спасение основана — как у Мармеладова — на одном сознании своей грешности, на смирении»⁸⁰. И современный итальянский исследователь, размышляя о речи Мармеладова, утверждает:

При первом чтении ее можно принять за последнюю иллюзию отчаявшегося человека, который создает образ Бога в соответствии со своими собственными нуждами. Тем не менее его слова подтверждаются библейскими цитатами, приводимыми этим персонажем. Они передают ясную богословскую мысль, которую, я думаю, Достоевский в то время мог понять и признать, но едва ли мог развить с таким блеском⁸¹.

Но святые отцы учат, что истинное смирение жизненно необходимо отличать от ложного: «...есть мнимое смирение, происходящее от нерадения и лености и от сильного осуждения совести. Возымевшие его нередко почитают его виной спасения, но оно не есть таково поистине, потому что не имеет радостворного плача, который бы соединен был с ним»⁸². Мармеладов верит сам и пытается убедить других, что такими страданиями («*Пью, ибо сугубо страдать хочу!*») он искупает свою вину, свои грехи, что Господь за страдания его обязательно простит. Но истинное

⁷⁸ Ключевые понятия Библии в тексте Нового Завета: Словарь-справочник. СПб., 2000. С. 253, 254.

⁷⁹ По мнению А. Денисовой, «Мармеладов словно глумится над тем, о чем Раскольников мучительно размышляет, о жалости к отдельному человеку» (Денисова А. В. Раскольников и Мармеладов // «Литература и религия»: Шестые Крымские Пушкинские Международные чтения. Симферополь, 1996. С. 70).

⁸⁰ Померанец Г. Разрушительные тенденции в русской культуре // Новый мир. 1995. № 8. С. 139.

⁸¹ Сальвестрони С. Прп. Исаак Сирий и творчество Ф. М. Достоевского // Преподобный Исаак Сирий и его духовное наследство. М., 2014. С. 389.

⁸² Язык славян. М., 2002. С. 665.

смирение предполагает глубокое покаяние и духовную силу, благодаря которой преодолеваются и собственный эгоизм, и «успокаивающая» жалость к себе.

Несмотря на то, что «герой Достоевского мечтает о воцарении правды, справедливости для всех людей и на все времена»⁸³, все же главной **целью** «исповеди-проповеди» Мармеладова, боящегося не только глаз чахоточной, с «*красными пятнами на щеках*» Катерины Ивановны и «*детского плача*», но и смерти и неизбежного наказания «там», является стремление **оправдать себя** и вызвать **жалость-прощение** и у людей, здесь, на земле, и у Господа на Страшном суде. По сути, Мармеладов утверждает возможность Спасения, исходящего не от преображенной человеческой души⁸⁴, а исключительно только от Господа при условии признания человеком своей греховности⁸⁵. Но мы знаем, что даже в житиях православных святых, великих подвижников, они и перед смертью считали себя недостойными спасения и думали о постоянном покаянии. Христос-то простит, но сам человек без глубокого покаяния и очищения души, без преображения души остается во власти дьявола, остается на его территории, то есть в аду. Здесь проявляется свобода его выбора, и Бог не может нарушить эту свободу. Как утверждает петербургский философ К. Исупов, «у Достоевского в мире непрестанно выясняющих отношения людей происходит дискредитация звучащего слова, ибо оно есть инструмент лжи, обмана и самообмана»⁸⁶.

По мнению Т. Бузиной, «в этом монологе Достоевский создает собственную картину Страшного суда, своего рода пародию на Страшный суд в духовных стихах»⁸⁷. В нашем восприятии такую пародию невольно создает **пьяный** Мармеладов, а не Достоевский. Святые отцы считали пьянство одним из тягчайших грехов, закрывающих вход в рай для падшего. И когда в речи Мармеладова Бог с иронией называет святых «*премудрыми*» и «*разумными*», то здесь не Достоевский, а его герой спорит с ними. И современный английский исследователь и богослов Р. Уильямс (архиепископ Кентерберийский) отмечает, что «Мармеладов выдает напыщенную, помпезную речь, по сути, пародию на проповедь, где все традиционные категории доведены до гротеска»⁸⁸. Пьяный Мармеладов, «комический мученик» (К. Исупов), как будто сам себе отпускает грехи и от имени Христа сам себя прощает.

После надрывного монолога Мармеладова и посещения его семейства «на дому» Раскольников (тоже «пьяный», но «субстанциально, что для него не временное состояние, а форма существования на протяжении всего романа, исключая эпилог»⁸⁹) не отказывается, а только укрепляется в своем решении осуществить «*безобразную мечту*», ибо «это будет не преступление, потому что таким образом будет восста-

⁸³ Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974. С. 286.

⁸⁴ «Непременным условием индивидуального спасения, которое мыслится в христианской культуре как стяжание жизни вечной (богопричастности), представляется обожение человека еще в земной жизни; а это последнее есть результат напряженного богопознания» (Левшун Л. В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI – XVII веков. Минск, 2009. С. 66).

⁸⁵ Ср.: «К. Леонтьев, в отличие от Достоевского и Соловьева, не придавал определяющего значения Преображению. Леонтьев верил в Божественную милость и Благодать, в Спасение, исходящее от Господа, и никак не от преображенной человеческой души или от преображенного общества и государства (пусть и теократического)» (Безносос В. Г. Ф. Достоевский, К. Леонтьев, Вл. Соловьев о Преображении и Спасении // Достоевский и современность. Новгород, 1995. С. 38).

⁸⁶ Исупов К. Г. Указ. соч. С. 64.

⁸⁷ Бузина Т. В. Указ. соч. С. 270.

⁸⁸ Уильямс Р. Достоевский: язык, вера, повествование. М., 2013. С. 172.

⁸⁹ Касаткина Т. А. Категория пространства... С. 85.

новлена справедливость»⁹⁰: «...и нет никаких преград, и так тому и следует быть!..»⁹¹
Права Л. Сараскина:

...трагическая судьба Мармеладовых сыграла решающую роль в окончательном созревании преступного замысла Раскольникова; горестный удел девяти десятых человечества, нравственно растоптанных и социально обездоленных, ежедневно питали бунт Родиона Раскольникова⁹².

Прав и А. Аникин: «Раскольникову, претендующему на роль Христа и Магомета, и нужен именно такой грешник, чтобы увидеть себя не „тварью дрожащей“, а спасителем»⁹³. Из этого следует, что кабак с пьяным Мармеладовым оказывается дьявольской ловушкой для еще «нерешительного» Раскольникова накануне его преступления⁹⁴. Но и Бог еще не оставляет Раскольникова без помощи: благодаря Мармеладову главный герой Достоевского встретит Соню.

В романе Достоевского обреченному и безумному (бытовому и богоборческому) бунту «гордой» и «раздраженной», постоянно кричащей, больной чахоткой⁹⁵ **Катерины Ивановны**, которая в своем эгоистическом надрыве (духовной болезни) лишь отягощает мир новым злом и несет своим близким только страдания, а также **ложному смирению**⁹⁶ и раскаянию, не ставшему покаянием, пьяного, оказавшегося во власти беса и раздавленного «лошадью-плотью» **Мармеладова**, с его «несчастной слабостью» и сладостной жалостью к себе, с его самоуслаждением страдания, противопоставлено⁹⁷ **истинное смирение** «кроткой» и «безответной», но с интуитивным видением истины **Сони**, которая, по словам Мармеладова, «мачехе злой и чахоточной <...> детям чужим и малолетним себя предала», которая ни единым словом не укоряет павшего «кровного отца» и обостренно чувствует свою даже малую вину перед мачехой («А сколько, сколько раз я ее в слезы вводила!»), которая своей жертвенной, христианской любовью, жалостью к дру-

⁹⁰ Степанян К. А. Указ. соч. С. 76.

⁹¹ Ср. с мнением одного из исследователей о том, что если бы Раскольников прислушался к словам Мармеладова, «он мог бы не совершить преступления. Достоевский для этого и посылал ему Мармеладова» (Бражников И. Внутри и снаружи. Истинный миропорядок в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 17. М., 2003. С. 20).

⁹² Сараскина Л. И. Испытание будущим. Ф. М. Достоевский как участник современной культуры. М., 2010. С. 11.

⁹³ Аникин А. А. Указ. соч. С. 116.

⁹⁴ И смерть Мармеладова, как отмечает И. Альми, дает Раскольникову лишь кратковременную иллюзию «неслыханного обновления» жизни после совершенного преступления: «Совершается то, о чем он уже не смел и мечтать: преступление не стоит преградой между ним и людьми, открываются пути — к Поленьке („— А меня любить будете?“), к Богу (попросил помолиться за „раба Родиона“), даже к Разумихину (решил зайти на его вечеринку). Раскольников готов поверить, что впереди — „царство рассудка и света“, что „не умерла его жизнь вместе со старой старухой“. Мираж исчезнет при встрече с по-настоящему близкими людьми — с матерью и сестрой: „Обе бросились к нему. Но он стоял как мертвый...“» (Альми И. Л. К вопросу о психологизме Достоевского («Преступление и наказание») // Достоевский и современность. Новгород, 1994. С. 12).

⁹⁵ Как отмечает Л. Левшун, «в христианской антропологии физические болезни и раны суть признаки-проявления-следствия духовных болезней и язв» (Левшун Л. В. Указ. соч. С. 191).

⁹⁶ «Ложное смирение — одна из самых разрушительных вещей...» (Митрополит Сурожский Антоний. Указ. соч. С. 115).

⁹⁷ Ср.: «Как известно, бунт вдовы Мармеладова ничем в романе не опровергается: она не имеет нужды в Боге» (Назирев Р. Г. Гоголь, Достоевский и английская готика // Достоевский и мировая культура. Альманах № 30 (2). СПб., 2013. С. 260).

гому и «ненасытимым состраданием», «понимающим состраданием» (К. Исупов), своим бесконечным терпением и самопожертвованием, благодаря твердой и глубокой вере в Бога («*Что ж бы я без Бога-то была?*») сначала спасает Катерину Ивановну и ее детей от голодной смерти, а затем на каторге становится «покровительницей и помощницей, утешительницей и заступницей всего острога»⁹⁸ и помогает **воскресению** «отошедшего от Бога» и «преданного дьяволу» несчастного **Раскольников****а**, воскресению для «новой жизни» и «великого, будущего подвига».

⁹⁸ Касаткина Т. А. Об одном свойстве эпилогов пяти великих романов Достоевского // Достоевский в конце XX века. М., 1996. С. 70.